

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Научный ежегодник Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

2015. Том 15. Вып. 2, с. 61–70

<http://yearbook.uran.ru>

СОЗДАЮТ ЛИ ДЕМОКРАТИЮ ЭЛИТЫ?

УДК 323:316.342

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук,

ведущий научный сотрудник отдела философии

Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург.

E-mail: lfishman@yandex.ru

В статье обосновано положение, согласно которому продуктивное обсуждение вопроса о природе демократии невозможно без решения вопроса о понятии власти. Утверждается, что власть представляет собой совокупность возможностей определять собственную судьбу. Все виды власти элит – это в первую очередь их власть над собственной судьбой, которая включает в себя власть над судьбой других. Власть элиты в смысле «власти над собственной судьбой» всегда включает власть над другими социальными группами, индивидами, в пределе – «народом». Поэтому власть элит, особенно в традиционных обществах, имеет явно выраженный элемент того, что называется «господством», то есть отношением, в котором «власть одних затрагивает интересы других, ограничивая способности последних вести истинно человеческую жизнь». Также и «власть народа» – это не власть народа над самим собой, а его власть над собственной судьбой, что подразумевает постоянное оспаривание права элит определять судьбы «масс». «Демосу» приходится бороться за власть над своей судьбой с теми, кто по умолчанию полагает, что должен обладать властью над судьбой всех низших по происхождению или социальному статусу. Причем эта борьба осуществляется в широком аспекте – начиная от постоянного сопротивления «культурной гегемонии» элит (борьба за умственную независимость) и заканчивая открытым идейным и вооруженным противостоянием. Поэтому борьба за демократию – всегда борьба за признание еще одной группы равной не формально, а

реально, то есть с овладением тем комплексом возможностей, которые дают власть в широком понимании. Это борьба за то, чтобы те, кто включает в свое понимание власти право на власть над твоей судьбой, отказались от этого права в твою пользу. Таким образом, демократию создают не элиты (для них такой результат оказывается неожиданным, непреднамеренным) или по крайней мере не только элиты, а элиты вкуче с гражданами, причем все стороны преследуют разные цели.

Ключевые слова: демократия, элиты, массы, господство, общая судьба.

Дискуссии о демократии актуальны на протяжении многих лет. Можно сказать, демократия – центральное понятие современности. Это и само название большинства политических режимов, и доминирующий дискурс.

Обсуждение проблем демократии обычно сводится к обсуждению способов реализации общей воли (если ее существование допускается), процедур противопоставления демократии и либерализма, соотношение объемов власти элит и масс в «реальной демократии» и т.д. Все эти обсуждения ведутся таким образом, как будто решен главный вопрос – о природе власти. Мы говорим «власть народа», «власть элиты» и т.д., но что при этом вкладывается в само понятие власти? Когда говорят «власть», то чья власть над чем или кем подразумевается?

Обычно под властью понимается наличие возможностей навязать свою волю другому человеку или социальной группе, таким образом власть сводится к ее политическому аспекту, часто – формально-политическому. Например, под властью подразумевают «право и возможность распоряжаться кем-либо или чем-либо по своей воле». Или же властью считают ситуацию, когда *A* участвует в принятии решений, которые оказывают влияние на *B*; или когда *A* определяет «повестку дня», которой подчиняется *B* при обсуждении вопросов и принятии решений и т.д. Правда, сразу при попытке приложить такого рода понятия власти к природе демократии возникает противоречие. Если один человек имеет возможность осуществлять власть над самим собой, это не что иное, как свобода. Если один человек осуществляет власть над другим, то этому найдено много определений, так или иначе связанных с понятием господства. Но если речь идет о множестве людей, об обществе, то как народ осуществляет власть над самим собой – демократию? Этот неудобный вопрос чаще всего обходят путем уклонения в обсуждение ряда частных проблем, касающихся опять же формальных процедур организации демократически-республиканского правления, в первую очередь организации выборов и т.д.

Простого здравого смысла достаточно, чтобы понять, что власть шире ее формально-политической процедурной ипостаси, и сама эта ипостась вытекает из тех ее оснований, которые не считаются политическими. Однако в действительности все обстоит прямо противоположным образом.

Такая постановка вопроса о власти, как мы покажем далее, характерна для тех социальных групп, для которых неполитические основания их собственной власти являются чем-то само собой разумеющимся и для которых

поэтому актуально обсуждение формально-процедурных вопросов власти. У одних социальных групп «часть власти» есть изначально, и они желают обсуждать ее оставшуюся часть. Другие же не имеют власти вовсе и для них вопрос о ней звучит иначе. Поэтому когда социальные группы вступают в дискуссию о власти, в том числе о «власти народа», они имеют в виду разное ее содержание, и точка зрения оппонента представляется им исполненной демагогии или лицемерия. Например, с точки зрения многих современных политологов и не только их, основным источником власти при демократии являются выборы и поэтому, если они осуществляются с соблюдением всех правил, то это и есть осуществление власти народа. Однако, как пишет Тим Керби, «...выборы – не единственный источник власти народа. Таких источников много. Давайте вкратце их перечислим. Откуда еще народ (то есть я, вы и все остальные простые граждане) может получать власть, если исключить из внимания “выборы” и все остальные западные шаблоны.

Что такое власть, если практически?

Например, земля – это власть... Оружие – это тоже власть. ... Деньги – это тоже власть... Ум – тоже власть...» [Керби].

То, что голосование представляет собой не единственный и даже не главный источник власти, было ясно с давних времен. Еще Аристотель отметил, что голосование как формальный источник власти характерно только для одного типа правления – олигархии, которая совсем не возражает против наличия формально «демократических институтов», поскольку реальные источники власти все равно принадлежат «немногим». Среди таких – авторитет, военная сила, происхождение, собственность, образование, и т.д., что принадлежит изначально аристократии и прочим элитам, и что со временем пытаются себе присвоить и те, кто относится к «народу». Как следует из знаменитой похоронной речи Перикла, власть, в том числе и при демократии, инструмент, обеспечивающий бытие «свободным», возможность определять самому свою жизнь.

Власть, таким образом, широкое понятие, она представляет собой совокупность возможностей *определять собственную судьбу*. Поэтому «*власть народа*» – это не власть народа над самим собой, а его власть над собственной судьбой, как ни мистически это звучит. Точно так же и власть аристократии, и олигархия, и монархия, как и другие виды власти элит, это в первую очередь их власть над собственной судьбой.

Но кто обладает возможностью определять собственную судьбу в наибольшей степени? Разумеется, элита. В античности, когда появилось само понятие демократии – это аристократия. «В те времена, – писал П. Бузескул, – аристократия была не только политической, но и социальной, военной и культурной силой. Немудрено, что ей принадлежало владычество» [Бузескул 1909: 7-8]. Аристократия давала образцы свободного владения собственной жизнью и перечня возможностей, которые для этого необходимы на данном историческом этапе. Имея эти возможности, она могла себе позволить решать вопрос о власти в относительно узком ее аспекте – формально-политическом. Этот подход в сущности не менялся у элит,

наследовавших принципы античной аристократии. Демократия, с их точки зрения, видится как режим, в котором имеют место определенные способы организации политической жизни, характеризующиеся наличием коллегиального правления, совещательности, гарантий правил политической игры, прав участвующих в борьбе за власть индивидов и групп и т.д. К демократии, таким образом, относят все, что не сводится к авторитарному правлению, такую форму власти, которая легитимируется волеизъявлением социальных слоев, считающихся на данный момент «народом». Согласно такому подходу, идея демократии заключается в «демократической» процедуре, обеспечивающей воспроизводство неавторитарных политических режимов.

Из такого ответа на вопрос о сущности идеи демократии вытекают следующие выводы. Если демократия есть процедура, изначально обеспечивающая участие во власти достаточно узкого круга людей и лишь затем распространяющаяся на более широкие круги населения, то вполне оправдан вывод, что демократия всегда является творением элит. Элиты «придумали» демократию для себя, а затем она стала доступна массам. Следовательно, и сегодня, если мы хотим достичь демократии, нам следует начать с культивирования того, что называется «элитарной демократией»; прочие пусть постоят в сторонке до лучших времен. Другой дороги просто не существует [Ясин 2012]. Д. Хигли утверждает: «Демократии – это в первую очередь творения элит дифференцированного типа» [Хигли].

Об этом же откровенно пишет В. Сергеев: «Основой демократии является расхождение в элитных группах, но расхождение недостаточно сильное, чтобы вызвать гражданскую войну. Это ситуация, когда элитный раскол можно институционализировать, ввести в рамки регулируемого правом процесса. Еще раз подчеркну: народные массы сами из себя никакой демократии не порождают» [Сергеев 2009]. Странники теории элитарного происхождения демократии часто ссылаются на исследования Асемголу и Робинсона, поскольку их точка зрения гласит, что именно элиты делятся властью с гражданами, чтобы ее не потерять.

Но это утверждение если не заблуждение, то подмена одной проблемы другой, неоправданная абсолютизация взгляда элиты как на природу власти, так и на демократию. Тот же Хигли предусмотрительно замечает: «... спешу добавить, что демократии не являются односторонними улицами, с движением только от элит к массам». В действительности, как, к примеру, показывают Д. Норт с соавторами, элиты в рамках «зрелого естественного государства» стремятся вовсе не к демократии. Логика развития естественного государства с его противоборством элит постепенно приводит к становлению верховенства права *для элиты*, к возникновению долгое время существующих безличных организаций и к консолидированному контролю элиты над средствами насилия. Все это *может* служить предпосылкой для становления в дальнейшем демократических институтов при участии активного гражданского общества. Но это на деле означает, что демократию создают не элиты (для них, по Норту и др., такой результат оказывается неожиданным, непреднамеренным) [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 256] или,

по крайней мере, не только элиты, а *элиты вкупе с гражданами*, причем все стороны преследуют разные цели.

Что к демократии на Западе стремились вовсе не элиты, хорошо показывает Л. Канфора в книге «Демократия. История одной идеологии» [Канфора 2012]. Само понятие демократии представляется автору мутным и мифологизированным до предела. Со времен античности оно означало «власть народа». Канфора показывает, что и тогда оно представляло нечто отличное от практического воплощения. «Власть народа» всегда была властью меньшинства, властью *над народом*. В реальности элиты античного мира склонялись к той или иной версии олигархического «смешанного правления». Миф, который разоблачает Канфора, гласит, что путь Запада с давних времен – это путь развития демократии. Канфора показывает, что элиты Запада со времен Американской войны за независимость и Великой Французской революции не стремились установить демократию. Лозунг демократии тогда поднимали во времена обострения социально-политической борьбы, но он не был лозунгом элит. Целью элит была все та же олигархическая форма смешанного правления, которая реализовалась в виде либерального парламентаризма, означавшего торжество олигархии и «свободы». К демократии же элиты относились с опаской и чаще всего отрицательно, порицая ее за склонность к деспотизму.

И сейчас, когда речь заходит о демократии, выясняется, что «народ» и элита понимают демократию по-разному. Что такое демократия в понимании народа, если допустить его к составлению конституции, показали, в частности, события в Исландии несколько лет назад: «Мы, люди Исландии, желаем создать справедливое общество, где каждый из нас будет иметь равное место за общим столом» [Невзлин 2012], – такими словами начинается Конституция. Все сказано предельно ясно: демократия – это когда каждый имеет равное место за общим столом. В комментариях члены Конституционного совета признают, что в переводе на иностранные языки эта фраза звучит несколько коряво. Однако, по их мнению, она понятна каждому исландцу и лучше всего отражает стремление создать равные возможности для всех. Мы можем добавить, что понимание демократии «народом» (что бы под ним не подразумевалось в разные исторические периоды, в разных обществах) всегда было таким. Демократия понималась как предоставление «народу» возможностей, аналогичных возможностям элит, которые и обеспечивали реальную власть собственности, образования, вооруженной силы и т.д.

Что же такое демократия как идея? Каков социальный субъект, от имени которого эта идея время от времени артикулируется? Мы можем сделать закономерный вывод, что устойчивого социального субъекта демократии нет, и это в первую очередь касается того, что называют элитой. Само существование демократических практик, идей, институтов – следствие постоянной борьбы разных социальных групп, в той или иной степени претендующих на обладание атрибутами элиты. Исторически по крайней мере так всегда и было с тех пор, когда идея демократии начала

свое шествие по миру. Как дипломатично выразился Д. Хигли, нет ни одной либеральной демократии, равно как и другого политического режима, которая бы создавалась без участия элиты. Но «при участии элит» не тождественно «демократию создают элиты». Всегда борьба за демократию была борьбой *против* стоящей у власти элиты от имени новых социальных субъектов. *Власть элиты в смысле «власти над собственной судьбой» всегда включает власть над другими социальными группами, индивидами, в пределе – «народом».* Поэтому власть элит, особенно в традиционных обществах, имеет явно выраженный элемент того, что называется «господством», то есть отношением, в котором «власть одних затрагивает интересы других, ограничивая способности последних вести истинно человеческую жизнь» [Льюкс 2010: 171].

Любая власть – это причастность к своей судьбе. В отношении же к демократии это становится особенно заметным потому, что «демосу» приходится бороться за власть над своей судьбой с теми, кто по умолчанию полагает, что должен обладать властью над судьбой всех низших по происхождению или социальному статусу. Причем эта борьба осуществляется в широком аспекте – начиная от постоянного сопротивления «культурной гегемонии» элит (борьба за умственную независимость) и заканчивая открытым идейным и вооруженным противостоянием. Поэтому борьба за демократию – это всегда борьба за признание еще одной группы равной не формально, а реально, то есть с овладением тем комплексом возможностей, которые дают власть в широком понимании. Это борьба за то, чтобы те, кто включает в свое понимание власти право *на власть над твоей судьбой*, отказались от этого права в твою пользу. Меллер Ван дер Брук пронизательно заметил, что «демократия – это причастность народа к своей судьбе».

При этом само понятие демократии онтологически пусто. Однако оно постоянно наполняется социальным содержанием по мере восхождения к политике все новых субъектов. Оно пусто со стороны этих новых субъектов, поскольку они все время меняются. Но оно пусто также и со стороны элит, поскольку с их точки зрения борьба за демократию сводится к борьбе за «свободу» и «процедуру». Исторически же эта борьба всегда ведется за конкретные цели конкретными социальными группами. В частности, в течение последнего столетия она ведется преимущественно левыми силами, для которых борьба за социальные реформы и революция есть борьба за демократию как за власть народа над собственной судьбой. Идея демократии как в античности, так и в современности сводится к комплексу идеологий, исповедуемых поднимающимися классами, неимущими, которые желают получить свою долю пирога.

В зависимости от успешности попыток неимущих обеспечить реализацию политических и социальных прав и находится реальная степень демократичности политических режимов. Поэтому закономерно, что на переднем краю борьбы за демократию оказываются левые и прогрессивные силы, которые выступают за расширение социальных и политических возможностей угнетаемых групп населения. Правые же, в том числе и ли-

бералы, постоянно стремятся ограничить демократию разными путями: от прямого установления фашистских режимов до замены пропорционального представительства мажоритарным. История западной демократии – это история ее ограничения и подмены либерально-парламентарным «смешанным правлением» [Канфора 2012].

Таким образом, мы должны отметить, что идея демократии изначально заключалась в том, что ее новый социальный субъект («народ») постоянно *нуждается в защите от «элиты»*. Как бы не относились мы к такому стороннику «цензовой» демократии, как А. Севостьянов, он точно подметил: «Если простой народ вообще не будет допущен к власти, вообще будет лишен рычагов воздействия на нее, то дело кончится плохо: элита сожрет свой возлюбленный народ – и нации не будет» [Севостьянов]. Все демократические выступления начинались с констатации факта, что элита ущемляет права народа, даже состоит в заговоре против него. Например, во время неурожая в начале Великой Французской революции ходили слухи, что аристократы составили заговор против народа, решив уморить его голодом.

Нередки случаи, когда во время тяжелой войны в массах начинали распространяться представления о том, что поражения являются следствиями предательства элитами своего народа, как это было во время Первой мировой войны. Сегодня обычны упреки элиты в эгоизме, в ее измене собственным народам, поскольку она больше не является частью той или иной нации, а ее интересы – это интересы некоего наднационального сообщества [Лэш 2002], «номадов» и т.д. Например, недавняя победа «Сиризы» в Греции во многом была обусловлена тем, что представители традиционных партий, в том числе и левых, начали восприниматься как едва ли не агенты брюссельской бюрократии.

Власть народа над своей судьбой подразумевает возможность защититься от того, чтобы кто-то другой этой судьбой распорядился. А именно так и считала вправе делать элита начиная с античной аристократии. Достаточно вспомнить теории происхождения аристократии из воинственных народов, диалектику раба и господина; аристократическую мораль сильных, отношение к худшим, лживым и подлым и т.д.

В то же время многочисленные идеологи «смешанного правления» на протяжении всей истории утверждали обратное: это элита нуждается в защите от народа, меньшинство нуждается в защите от большинства, свобода нуждается в защите от тирании толпы и т.д. Демократия с точки зрения элит всегда была в первую очередь «свободой» – свободой пользоваться теми возможностями для осуществления власти, которые у элиты оказались в силу ее социального статуса. Когда демократию отождествили со свободой, приписали ее творение всецело элите, то у нее появилась возможность защищать себя и от народа, и от самой демократии (ограничение политического участия народа во власти ради сохранения демократии). Для элит, поскольку их власть над собственной судьбой означает власть над народом, последний воспринимается как опасная и непредсказуемая стихия, имеющее нечто общее с иррациональностью судьбы.

Обуздывая народ-судьбу, элита воспринимает себя как защитницу цивилизации и культуры, одновременно приписывая народу низменность помыслов и примитивизм потребностей. В исторической перспективе, однако, оказывается, что на деле разница в установках между элитой и массами невелика. К. Лэш, например, с печалью констатировал, что нынешняя (американская и европейская) элита во многом характеризуется теми негативными признаками, которые в первой трети двадцатого века приписывал массе Ортега-И-Гассет. Эта элита, пользующаяся даром доставшимся ей материальными и культурными благами, обособлена от общества, не желает ничего знать о том, что находится за пределами ее интересов. У нее нет чувства ответственности перед обществом, и она попросту стремится избежать общей судьбы [Лэш 2002: 36].

Думается, что то же самое можно сказать о многих из тех, кто полагает себя нынешней российской элитой, как, наверное, о любой властвующей элите. Все сказанное выше, однако, не означает, что абсолютно всем представителям разных элит чуждо представление об общей судьбе с остальным народом. Обычно чувство сопричастности с ним просыпается у власть имущих в периоды смертельной внешней опасности. Тогда наиболее совестливые представители элит идут на фронты, рискуя своими жизнями наряду с другими гражданами. В то же время недалеко от истины представление, что элиты скорее охотно используют *риторику общей судьбы*, чтобы убедить народы сражаться друг с другом за их, элитные интересы, нежели действительно ощущают такую общность. Множество примеров подобной, обычно националистической, риторики любой найдет в истории XIX, XX и XXI столетий. В течение последних полутора лет к ним добавился пример Украины, где сторонники центрального правительства и «новороссы» убивают друг друга на Юго-Востоке страны, вдохновляясь лозунгами украинского национализма и «Русского мира».

Как бы то ни было К. Лэш ухватил саму суть: от элиты, стремящейся избежать общей судьбы, ломая чужую, требуется защищаться всеми силами. А значит судьба демократии в любой стране по-прежнему находится не в руках элиты.

Материал поступил в редколлегию 18.05.2015 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бузескул В.П. 1909. История афинской демократии. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича. 476 с.
- Канфора Л. 2012. Демократия. История одной идеологии. СПб. : Александрия. 500 с.
- Керби Т. 2013. О практическом народовластии [Электронный ресурс]. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_26684/ (дата обращения: 04.09.2014).
- Льюкс С. 2010. Власть: Радикальный взгляд. М. : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики. 240 с.

Лэш К. 2002. Восстание элит и предательство демократии. М. : Логос : Прогресс. 224 с.

Невзлин А. 2012. Любая кухарка может написать Конституцию. По крайней мере, в Исландии, 26.10.2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=8070 (дата обращения: 04.09.2014).

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Изд-во Ин-та Гайдара. 480 с.

Севостьянов А. Национал-демократия – не национал-социализм [Электронный ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-295721.html> (дата обращения: 04.09.2014).

Сергеев В. 2009. Основа демократии – раскол элиты, 15.09.2009 [Электронный ресурс] : интервью / вел Борис Межуев. URL: <http://www.politua.su/concept/495.htm> (дата обращения: 04.09.2014).

Хигли Д. Демократия и элиты [Электронный ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-294343.html> (дата обращения: 04.09.2014).

Ясин Е.Г. 2012. Приживется ли демократия в России. 2-е изд., расшир. и доп. М. : Фонд «Либерал. миссия» : Новое лит. обозрение. 864 с.

References

Buzeskul V.P. *Istorija afinskoj demokratii* [The history of Athenian democracy], St. Petersburg, Tip. M.M. Stasjulevicha, 1909, 476 p. (in Russ.).

Canfora L. *Demokratija. Istorija odnoj ideologii* [Democracy. The story of one ideology], St. Petersburg, Aleksandrija, 2012, 500 p. (in Russ.).

Higli D. *Demokratija i jelity* [Democracy and elites], available at: <http://do.gendocs.ru/docs/index-294343.html> (accessed 04 September 2014). (in Russ.).

Jasin E.G. *Prizhivetsja li demokratija v Rossii* [Will Democracy Survive in Russia], 2nd ed., Moscow, Fond «Liberal. missija», Novoe lit. obozrenie, 2012, 864 p. (in Russ.).

Kerbi T. 2013. *O prakticheskom narodovlastii* [On the practical democracy], available at: http://www.odnako.org/blogs/show_26684/ (accessed 04 September 2014). (in Russ.).

Lasch C. *Vosstanie jelit i predatel'stvo demokratii* [The Revolt of the Elites: And the Betrayal of Democracy], Moscow, Logos, Progress, 2002, 224 p. (in Russ.).

Lukes S. *Vlast': Radikal'nyj vzgljad* [Power: a Radical View], Moscow, Izdat. dom Gos. un-ta – Vyssh. shk. jekonomiki, 2010, 240 p. (in Russ.).

Nevzlin A. *Ljubaja kuharka mozhet napisat' Konstituciju. Po krajnej mere, v Islandii, 26.10.2012* [Any cook can write the Constitution. At least in Iceland], available at: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=8070 (accessed 04 September 2014). (in Russ.).

North D., Wallis J., Weingast B. *Nasilie i social'nye porjadki. Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History], Moscow, Izd-vo In-ta Gajdara, 2011, 480 p. (in Russ.).

Sergeev V. *Osnova demokratii – raskol jelity* [The basis of democracy – split elite], available at: <http://www.politua.su/concept/495.htm> (accessed 04 September 2014). (in Russ.).

Sevost'janov A. *Nacional-demokratija – ne nacional-socializm* [National democracy is not national socialism], available at: <http://do.gendocs.ru/docs/index-295721.html> (accessed 04 September 2014). (in Russ.).

Leonid G. Fishman, Doctor of Political Science, Senior Researcher, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: lfishman@yandex.ru

IS DEMOCRACY CREATED BY ELITE?

Abstract: The article argues that the productive discussion of the nature of democracy is impossible without defining the concept of power. The author states that the power is a set of possibilities, which allows to determine its own destiny. All types of power elites are primarily the power over their own destiny, which includes the power over the destiny of others. The power of elite in the sense of “power over their own destiny” always includes power over other social groups and individuals, and finally over the “people”. Therefore, the power of elites, especially in traditional societies includes a clear element of what is called the “dominance”, i.e. the relationship, in which the power of one affect the interests of others, limiting the ability of the latter to conduct a truly human life. In addition, “people’s power” – is not the people’s power over there selves, but is a power over their own destiny, which implies constant challenging the right of the elites to determine the destiny “of the masses”. “Demos” has to fight for power over its destiny with those who believe by default that they should have power over the destiny of the people with lower origin or social status. This struggle takes place in a broad scale – from the constant resistance towards “cultural hegemony” of the elites (the struggle for the mental independence) up to open ideological and armed confrontation. Therefore, the struggle for democracy is always a struggle for the recognition of one more group for not formal but real equality, i.e. for possessing the complex of possibilities, which provide power in a broadest sense. This is a fight for the denial of the power in one’s favor by those who include the right over one’s destiny in their understanding of power. Thus, democracy is created not by the elite (for which such result is unexpected and unintentional), or, at least, not only by the elite, but by the elite together with the citizens when all parties pursue different goals.

Keywords: democracy, elite, mass, dominance, common destiny.